

Марта де Магальес

«НЕ МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА»:

о гетеротопии, инструктивных пространствах
и практиках производства знания в Португалии XX века

«Не так уж много знают о Португалии за пределами Португалии», — сказала мне близкая подруга моей семьи, прогуливаясь вместе со мной по верхнему этажу Национального музея древнего искусства в Лиссабоне. Произнеся это, она умолкла, показывая на таблички, прикрепленные к стеклянной витрине, в которой виднелась крошечная фигурка европейца, сделанная из железа — как сообщалось, в бассейне Конго в конце XVI века — и словно бы стоявшая на страже; надпись поясняла: «Португальский солдат». После паузы подруга продолжила: «Какой абсурд — считать, что сегодня эти штуки принадлежат еще кому-то — Австрии, Дании, Британскому музею: это ведь наша история (*história*)». Сказанное меня разом озадачило и позабавило — она была уже третьим человеком, который считал нужным высказаться по поводу нынешней принадлежности этих, рассматриваемых нами теперь, экспонатов, которые оказались собраны вместе только на выставке «Охватывая земной шар: Португалия и мир в XVI—XVII веках», впервые представленной в Смитсоновском институте в Вашингтоне, затем — во Дворце изящных искусств в Брюсселе и наконец — в Лиссабоне¹.

В тот момент наблюдение моей подруги, на вид безобидное, сопровождавшееся замечанием о том извилистом пути, который должны были проделать экспонаты, прежде чем найти себе летом 2009 года временное пристанище — лиссабонский музей, не показалось мне достойным дальнейших размышлений. Однако несколько дней спустя, разговаривая уже с другим знакомым о карте, давшей название этой статье, я вспомнила о выставке, об ощущении неловкости, испытанном там, и о шепотке, на который переходили отдельные посетители всякий раз, когда принимались одновременно восторгаться «нашим былым величием» и плакаться о «нашем провинциальном статусе». Речь шла о карте Португалии вместе с колониями, из перспективы диктаторских режимов, господствовавших в стране добрую половину XX столетия, мыслимой как неделимое целое. Здесь колониальные владения, окрашенные в красный цвет, были наложены на карту Западной Европы и простирались от испанских территорий до границ России. Довершала картину сколь суггестивная, столь же и инструктивная надпись: «Португалия — не маленькая страна».

Объединению двух событий — выставки и карты — не в последнюю очередь способствовало наложение замечания моего знакомого об извращенной стойкости приобретенных знаний на мое собственное впечатление от прогулки по музею. Как бросил мой собеседник, «те люди» попросту повторяли «литанию стереотипов», которой его поколение пичкали с самых первых дней обучения в школе. Карта, которую я хотела обсуждать, по его словам, неизменно присутствовала в классе, как и рассказ учителя о непризнанном величии Португалии — не признанном, конечно, прежде всего ее европейскими сородичами, чьи империи столь же незаслуженно, как и португальская, превратились в мифологический хлам. Разумеется, на первый взгляд, описывая исключительный пропагандистский пафос, кото-

«Не маленькая страна»...

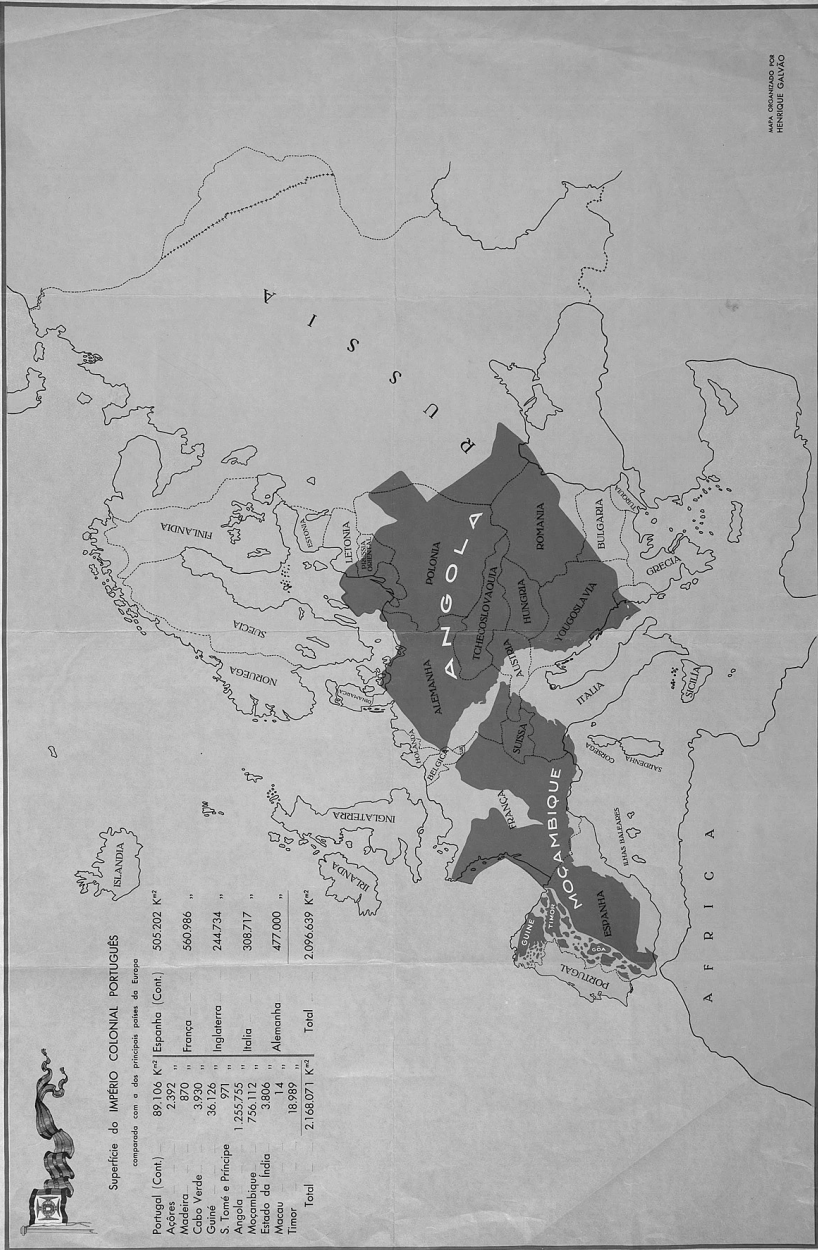
“PORTUGAL NÃO É UM PAÍS PEQUENO”

REP. LEG. 724/02

Superfície do IMPÉRIO COLONIAL PORTUGUÊS
comparada com a dos principais países da Europa

Portugal (Cont.)	89.106 Km ²	Espanha (Cont.)	505.202 Km ²
Açores	2.392		
Madeira	870	França	560.986
Capo Verde	3.930		
Guiné	36.126	Inglaterra	244.734
S. Tomé e Príncipe	971		
S. João	1.258	Itália	308.717
Mozambique	756.112		
Estado da Índia	3.806	Alemanha	477.000
Micau	14		
Timor	18.989		
Total	2.168.071 Km ²	Total	2.096.639 Km ²

IMP. ESTADUAL DO
RENQUE GALVÃO

EDIÇÃO DE INCENTIVA DA CAMARA MUNICIPAL DE PENHA DE

IMPRESSÃO DA IMPRENSA NACIONAL - PORTO

рым были наполнены школьные программы периода правления Салазара, мой собеседник фактически повторяет воспоминания о системе начального образования, принадлежащие «тем людям», которых он называет *своим поколением*. Приведу хотя бы вот такой пример:

Существенными для нашего школьного образования были сведения, касавшиеся колониальных интересов. Мы их с особенным тщанием запоминали: Ангола в 14 раз больше Португалии, Мозамбик — в 9 раз, а Бразилия — в 23 раза (и это несмотря на то, что Бразилия была независимым государством с 1822 года!) (Dores da Cruz 2007: 396).

Меня поразило не столько само описание школьной поры, сколько та непосредственность, с которой приобретенные около 60 лет назад знания были соотнесены с разговором, услышанным мною в музее спустя 35 лет после революции, положившей конец диктатуре. Реакция моего собеседника была тем более показательной, что он моментально отрекся от такого рода «знаний», рассматривая их как форму салазаровской пропаганды. Тон и нескрываемая ирония, высказанная человеком, даже не знакомым с подругой моего семейства и не видевшим выставки, заставляли задуматься о значимости объединяющего исторического контекста. Приступая к работе с ним, я бы хотела воспользоваться выводами моего собеседника.

Я намеренно решила, начав с прогулки по музею, продолжить ее описанием чьих-нибудь размышлений о произошедшем там на языке пропагандистских карт, повсеместно использовавшихся в португальской начальной школе на протяжении всего периода диктатуры. Музей, подобно школе и в каком-то смысле подобно карте, создавал «инструктивные пространства» — места, служившие *развлечением*, облеченным временами в спектаклярную форму, но также — места, предназначенные для *обучения* в самом широком значении этого слова.

Музей является одной из многочисленных институций, вмещающих в себя то, что Энтони Беннетт назвал «выставочным комплексом». Описание музея в категориях «выставочного комплекса», весьма здесь уместное, было ответом Беннетта на тезис Дугласа Кримпа, рассматривавшего музей в качестве еще одного «пространства заключения», которое может быть проанализировано в фуколдианских терминах (Bennett 1988: 73). Беннетт открыто предупреждает: «Хотя Кримп, вне всякого сомнения, прав, термины, в которых он излагает свою идею, являются ограничивающими и вводят в заблуждение» (Ibid.). Вместо этого он предлагает думать о музеях и родственных им институциях (таких, как всемирные выставки конца XIX — начала XX века) как о «составляющих комплекс дисциплинарных и властных отношений», развитие которых было бы плодотворнее сопоставлять, а не отождествлять с формированием фуколдианского «тюремного архипелага» (Ibid.). И хотя для Беннетта эти институции все еще выполняют регулятивную функцию, они отличаются от традиционных дисциплинарных пространств настолько, насколько дают возможность осуществлять «уроки власти, преподаваемые материальными объектами», что и позволяет «людям скорее *en mass*, чем индивидуально... получая возможность смотреть на себя с позиции власти, становиться одновременно субъектами и объектами знания» (Bennett 1988: 76).

Двойная перспектива, благодаря которой граждане знакомятся и с тем, что «власть знает... и с самими собой, познанными властью» (Ibid), имеет решающее значение для организации восприимчивого, саморегулирующе-

гося гражданского населения, которое Беннетт рассматривает как одно из оснований для развития буржуазно-демократического строя. Португальский опыт требует внесения поправок в аргументацию Беннетта, ибо трудно поставить знак равенства между режимом Салазара и идеей буржуазной демократии. Я бы сказала, что здесь мы имеем дело с «вводящими в заблуждение ограничениями», присущими на этот раз концептуальным построениям самого Беннетта.

Что мне тем не менее представляется по-настоящему интересным, так это идеологические и дискурсивные формации, оживающие или по крайней мере опознающие себя превращенными салазаровским режимом одновременно и в элемент своего рода «выставочного комплекса», и в неотъемлемую часть репрессивного аппарата авторитарной власти. Само по себе это не ново: едва ли можно отрицать, что присутствием подобных форм — более или менее выраженным — отмечены все существовавшие в XX веке авторитарные режимы². Однако мне хотелось бы подчеркнуть, что в португальском случае разделение «выставочной» и «репрессивной» сфер носит относительный, а не абсолютный характер. Иначе говоря, в то время как выставочные институты, мобилизованные «Новым Государством» («*Estado Novo*») Салазара, безусловно, находились под строгим надзором, он не был центральным аспектом при их мобилизации правительством. Напротив того, я полагаю, что они должны быть помыслены как «инструктивные пространства», подобные школам, где задачей пропагандистских репрезентаций было представление португальцам самих себя так, как видела их власть — и иногда достаточно точно, как участников, а не пассивных наблюдателей. Моя идея заключается в том, что эти «инструктивные пространства», сосуществовавшие с откровенно репрессивным аппаратом «Нового Государства», который не был ни в малейшей степени демократическим, куда более эффективно влияли на поддержку населением диктатуры, чем система безопасности, зачастую используемая для утверждения долговечности режима. Проблема заключается в том, что значительная часть идеологических и дискурсивных форм, сложившихся и закосневших при салазаровском режиме, покуда еще воздействуют на все, имеющее отношение к «нашей истории», как выразилась подруга моего семейства, с которой я повстречалась в музее.

Нет ничего неожиданного в том, что сложные связи, которые я намерена здесь описать, не были разорваны или утрачены в период португальского перехода к демократии: ведь режим Салазара существовал целых сорок восемь лет, и было бы трудно себе представить историческую амнезию такого масштаба. Конечно, нам не хватает критических разборов всех сложных переплетений этого периода — и это амнезия уже другого рода. Вот и антропологи не приложили серьезных усилий для выяснения того, что же в действительности могло остаться от согласованных попыток режима обучить население искусству познавать себя как субъекта диктатуры, и того, как теперь это явление можно начать изучать³. Стратегия, избранная мною в этой статье, состоит в том, чтобы, позаимствовав ключ у моего знакомого, начать с прощупывания «контекстов», которые являются здесь наиглавнейшими «инструктивными пространствами».

«Инструктивные пространства», которые я имею в виду, включают серию различных «мест», временных и постоянных, существующих в физическом пространстве и в виде репрезентаций. Я начну с характеристики контекста и вкратце остановлюсь на самом режиме Салазара (*regime*

salazarista), делая акцент на его пропагандистском аппарате. Затем я рассмотрю две временные «большие выставки», задуманные как места кампаний по пропаганде «национального величия» и просвещения масс. Первая — Колониальная выставка 1934 года — проходила в Порту (карта «Португалия — не маленькая страна» была изготовлена специально для нее). Вторая выставка, состоявшаяся в Лиссабоне в 1940 году, называлась «Изображение португальского мира» («*Exposição do Mundo Português*»). Для этой выставки были созданы значительные архитектурные работы, следы которых можно встретить по всему городу и сегодня. Опираясь на небольшой текст Фуко о *гетеротопиях* (1967), я хочу доказать, что эти выставки являют собой показательный пример гетеротопий, производимых режимом, что они включают в себя не одно, а множество пространств, образующих своеобразный коллаж. Кроме того, я намерена вплести эти «инструктивные пространства» в отдельное повествование об их отношениях со временем. И хотя обе выставки были непродолжительными, они сыграли центральную роль в производстве корпуса представлений, которые и по сей день — пускай и косвенно — присутствуют в современных практиках знания.

МАЛАЯ ДИКТАТУРА

28 мая 1926 года, всего лишь через шестнадцать лет после создания первого республиканского правительства Португалии, военный переворот привел к гибели республику, становившуюся все более и более нестабильной. Военные заявили, что Португалия стала неуправляемой, указав на явно избыточное число правительств, сменявших друг друга между 1910 годом и роковым днем военного переворота (*pronunciamento*), — в общей сложности их было сорок пять, — и это послужило подтверждением абсолютной необходимости силового вмешательства. Недовольство *Partido Republicano Português* (Португальской республиканской партией) возросло неимоверно, и военные смогли мобилизовать различные силы, включая монархистов, фашистов, консерваторов, либералов и даже тех, кто в политическом спектре располагался левее Португальской республиканской партии, — всех, кто уже имел опыт взаимодействия с двумя диктаторскими правительствами⁴. Если сначала необходимость разрешить серьезный финансовый кризис требовала создания особого пространства для достижения консенсуса, то, как только появились первые признаки стабильности, военные обнаружили, что найти жизнеспособную, стабильную альтернативу Первой республике довольно сложно. В сущности, требовалось сделать выбор между тремя действующими фракциями — консервативными республиканцами, ультраправыми радикалами и католическим центром. Им-то и руководил министр финансов, известный своей необычной внешностью и профессорской манерой речи, ловко «спасший» страну от финансового краха, для того чтобы в дальнейшем пожинать плоды насильственных изменений, инициированных армией.

Министра звали Антониу ди Оливейра Салазар. Незаметно для большинства современников ему суждено было стать председателем кабинета министров на последующие четыре десятилетия. Стороннему наблюдателю стиль Салазара показался бы не отвечающим требованиям диктатуры: это был скромный человек, бывший семинарист, модуляциями голоса напоминающий сельского католического священника, ученый, преподавав-

ший экономику в Коимбрском университете, старейшем в Португалии. Однако он был амбициозным и проницательным политиком, чье эффективное управление финансами обеспечило ему серьезную поддержку внутри правительства. В сущности, к началу 1930-х, несмотря на то что его государственная деятельность все еще была официально ограничена Министерством финансов, Салазар *«de facto»* стал диктатором — как идеологически, так и политически» (Vaíða et al. 2003: 6). Поэтому представляется вполне естественным, что именно ему предложили сформировать правительство всего лишь два года спустя, в 1932-м.

Институционализация салазаровского «Нового Государства» (*Estado Novo*) началась с разработки новой конституции, которая была принята в 1933 году в ходе искусных переговоров между группами интересов, сложившимися в окружении нового диктатора. Результатом этих переговоров стал документ, в котором идеи укрепления государственной власти сочетались с демократическими на первый взгляд принципами и, что особенно важно, с элементами авторитаризма, что и позволило впоследствии правительству урезать умеренные положения, которые оно прежде сочло подходящими для включения в текст конституции (Rosas 1992). Конституционным компромиссом не была довольна ни одна из сторон: в то время как ультраправым фашистам он казался слишком центристским, *União Nacional* (*Национальный союз*), так называемая гражданская ассоциация, созданная для достижения согласия между политическими силами, сочла его непригодным для мобилизации общественного мнения. Это расхождение во взглядах вынудило ультраправых отдалиться от Национального союза, чтобы сформировать собственно националистическое синдикалистское движение. Этот шаг впоследствии дорого обошелся фашистам, поскольку Салазар, прежде использовавший их поддержку ради собственной выгоды, теперь решил отстранить их от власти, что и увенчалось депортацией их лидера в 1934 году. Оставшиеся капитулировали перед требованиями диктатуры, приняв на невыгодных для себя условиях решение присоединиться к Национальному союзу и продвигать свои идеи изнутри этой организации (Pinto 1999).

Кратко обозревая эпоху раннего Салазара, я не столько хочу дать всесторонний отчет о сложностях, сопутствовавших восхождению диктатора к власти, — об этом, возможно, одним из наиболее глубоко изученных периодов диктатуры написана масса работ⁵, — сколько интересуюсь первыми шагами Салазара на поприще диктатора и характером его публичного поведения, временами кажущегося столь противоречивым. На тот момент это была скромная, непритязательная, почти незначительная публичная фигура, без сомнения, эффективный администратор, но отнюдь не харизматический лидер, который ассоциировался бы с реализуемой им формой политического правления. Между тем немало бумаги изведено в поисках ответа на вопрос о том, чем же в действительности был этот режим, поскольку Португалия Салазара на первый взгляд не походила на фашистские режимы, процветавшие тогда по всей Европе. Если быть точной, этот режим обнаруживал разом и отличия, и сходства с фашизмом — сложный конгломерат, составленный из разнородных элементов, с которым Салазар и его тщательно подобранная администрация будут управляться с величайшей аккуратностью. И действительно, к 1934 году прозорливый профессор разрушит надежды не одного лишь вожака радикальных фашистов — все политические и синдикалистские лидеры, оппозиционные корпорати-

вистскому «Новому Государству», были высланы или угодили за решетку. Репрессивный аппарат государства быстро укреплялся в процессе создания новой политической полиции и введения жестких правил цензуры.

Поскольку контроль со стороны «Нового Государства» над наиболее опасными противниками был установлен, правительство могло, в спокойном сознании неминуемой победы, призвать к первым в истории диктатуры выборам, которые и состоялись в 1934 году. Последовавший за этим период был отмечен усилением влияния сторонников жесткой линии и движением в сторону авторитарной фашистской модели правления⁶. Тогда же стали видны идеологические и дискурсивные формации, которыми будет впоследствии отмечена история салазаровского режима, — это были «золотые годы всеобъемлющего идеологического проекта» (Rosas 2001: 1033), когда государство приступило к организации аппарата, который позволил бы ему «создать нового салазаровского человека» (*New Man of Salazarismo*) (Rosas 2001: 1031). Для этого требовались неусыпное внимание, твердая воля к «наставлению» за пределами мест, в которых действует институциональная власть, проникновение в самые интимные зоны — в дом, в школу, на рабочие места, на рынок, в лагерь отдыха (Ibid). Поистине, это были «золотые годы», но что именно стало основанием грандиозного проекта «Нового Государства»? И насколько всеохватывающей была эта попытка?

Идеологический дискурс «Нового Государства» может быть вкратце описан как попытка прославить неловкий союз националистических ценностей, матрица которых была консервативной и католической, и откровенно фашистских тенденций, бывших по всему континенту *en vogue*. «Бог, Родина и семья» были недвусмысленно названы «триадой национального образования». В этих обстоятельствах режим занялся созданием новых организаций, таких, как «Португальская молодежь» («*Mocidade Portuguesa*»), «Португальский легион» («*Legião Portuguesa*») — род партийной милиции. Более того, началось оформление культа вождя, и портреты Салазара в обязательном порядке рассылались по всей стране. Вспоминая свои школьные годы, Дорис да Круз рассказывает:

Пройдя одну-две мили до школы, мои одноклассники начинали учебный день с молитвы и пения национального гимна, почтительно стоя лицом к доске и устремив взгляд на распятие, обрамленное фотографиями президента и председателя Совета министров (Dores da Cruz 2007: 395).

Стороннему наблюдателю значение, вкладываемое режимом в понятие «национальные ценности», может показаться весьма парадоксальным. Ибо, с одной стороны, Салазар возвеличивал работника — не современного заводского рабочего, вестника прогресса, но смиренного аграрного труженика, бедного, честного и довольствующегося своим уделом. Выражаясь словами диктатора, произнесенными в конце 1953 года, «в каждую руку — лопату, чтобы возделывать землю, каждой семье — простой дом, в каждый рот — кусок хлеба». Как справедливо замечает Росас, Салазар с подозрением относился к «материальному прогрессу», его проект до некоторой степени был движим желанием защитить аграриев и органическую модель общества, «которая держалась на идее вневременного священного социального и экономического порядка» (1033). Но, с другой стороны, так было лишь отчасти. Наряду с защитой сельского, скромного образа жизни режим поддерживал дискурс иного рода — тот самый, что провозглашал не-

«Не маленькая страна»...

избежность возникновения самой салазаровской диктатуры и обосновывал ее претензии на роль гордой наследницы великой имперской традиции, которая и вывела это сельское, забытое, нищее общество на путь величия.

Принимая во внимание эти важные нюансы, я перейду к вопросу об империи: несмотря на то, что идея неизбежности режима, которому сопутствует слияние правительства, государства и нации, так или иначе предполагала столкновение с политическими предшественниками, нигде связи и разрывы между периодом республики, диктатурой Салазара и последующей эпохой не были столь явными, как в вопросе об имперской миссии Португалии. Когда Салазар пришел к власти, не было никаких сомнений в значимости португальских колониальных владений для политической жизни страны — защита прав метрополии была одним из основных факторов первоначального успеха республиканской революции⁷, колониальные интересы играли ключевую роль в консолидации усилий республиканцев, будучи весомым фактором, с которым следовало считаться. В 1930-х годах Салазар не сомневался в необходимости держать под личным контролем колониальные владения Португалии, чтобы не потерять жизненно важную поддержку элит. Для этого к обязанностям министра финансов, еще до утверждения в должности главы государства, он добавил управление делами колоний и активно участвовал в разработке Колониального акта 1930 года, который, в частности, оговаривал: «Государству органически присуще исполнять свое историческое предназначение, заключающееся в том, чтобы овладевать территориями, находящимися за его границами, и осуществлять их колонизацию» (статья 2). Придя к власти, Салазар заботился не только об исполнении Колониального акта, но и о том, чтобы превратить «исторический жребий» нации одновременно в публичное зрелище и общенациональную аксиому. Словом, пришло время обратиться к имперскому основанию португальского «выставочного комплекса».

О ГЕТЕРОТОПИИ

Когда голоса избирателей были гарантированы новой конституцией, а результат выборов казался заведомо предрешенным, правительство Салазара сочло для себя возможным начать наставлять массы о португальских имперских владениях. Колониальная выставка 1934 года в Порту была первым для салазаровской Португалии крупным событием подобного рода. Хрустальный дворец Порту и окружавшие его сады вместили в себя не только материальные объекты, привезенные из разных уголков империи — Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Гоа, Дамана и Диу, Сан-Томе и Принсипи, Кабо-Верде, Макао и Восточного Тимора, — но и специально построенные по этому случаю деревушки с «местными жителями». Это был «грандиозный сценарий, отмеченный реализмом присутствия коренного населения». Конечно, выставка была организована не только для того, чтобы использовать ресурс физической встречи с *Другим*, чью инаковость режим постоянно подтверждал и тут же опровергал со ссылкой на ценность доброго соседства между народами и единство государства, в которое колонии входили в статусе провинций. Выставка, кроме того, была призвана обучать публику: пространство экспозиции разделили на тематические секции, знакомящие посетителя с историей ранней португальской экспансии, текущим положением дел и работой, проводимой по всей

империи, а также с имперской ролью армии, зоологией, ботаникой, медициной и т.д. (Boletim Geral das Colónias 1934). Говорят, что среди наиболее часто упоминавшихся мотивов посещения выставки был «живой и непосредственный» интерес к ее «этнографической секции»: «...мы пришли, чтобы посмотреть на черных (*vimos ver os pretos*)» (цит. по: Almeida 2004: 12). Поистине грандиозным финалом первой большой выставки стала церемония закрытия: туземцы выплеснулись за пределы экспозиционных пространств, хлынули на улицы Порту, ставшие местом шествия представителей многочисленных португальских колоний.

Режим оценил выставку как несомненный успех. Первый министр колоний в правительстве Салазара, Арминду Монтейру, назвал выставку живым доказательством права Португалии считаться одной из самых выдающихся мировых держав, обещая, что «однажды Португалия прекратит свое существование в качестве исключительно европейского государства, чтобы превратиться в державу атлантического и даже планетарного масштаба. Величие Европы возрастет, поскольку приумножится величие Португалии» (Boletim Geral das Colónias 1934).

Настроения, заданные Колониальной выставкой, достигнут апогея шесть лет спустя — в ходе работы уже другой выставки — «Представление португальского мира», открывшейся в 1940 году в столице страны («*Exposição do Mundo Português*»). Этот проект, во всех отношениях куда более грандиозный, включал монументальные сооружения, воздвигнутые на береговой линии Лиссабона и в эмблематическом соседстве с крупнейшими памятниками XVI века. Городской ландшафт преобразился благодаря строительству новых дворцов, фонтанов, выставочных комплексов, музеев. Эту трансформацию завершило перемещение в столицу части деревенского населения из сельских районов Португалии и, конечно же, обитателей колоний.

Выставка 1940 года была не только колониальным проектом, но и изображением мирного и в высшей степени достойного португальского универсума, выставленного напоказ если и не воюющему миру, то по крайней мере населению собственной страны, нуждающемуся в постоянном акцентировании его чувства гордости за свою спокойную и достойную умиления судьбу, дабы у людей не возникало искушения задать властям неосмотрительные вопросы. В разговорах с посетителями этой выставки, однако, у меня постоянно складывалось впечатление, будто требовалось совсем немного, чтобы убедить пришедших туда в том, что благословенный свыше португальский народ действительно обитает в спокойном, морально безупречном и многоликом мире, хотя в ответах интервьюируемых на мои вопросы неизменно сквозит ирония. Так, один из моих знакомых сказал:

Это в самом деле было зрелище — ты и сегодня можешь наблюдать то, что от него осталось. Но более всего меня впечатлили люди — не только туземцы из колоний, но и португальские крестьяне. Ты знаешь... их привезли в Лиссабон, чтобы поселить в точные копии их деревушек, заставить ткать и сеять или что-то в этом роде. Забавно, но и ты чувствовал себя там в какой-то степени изучающим самого себя (*из личной беседы*).

Два события, на которых я сосредоточиваю свое внимание, дают богатый материал для размышлений о формах и эффектах технологий власти, задействованных салазаровским режимом. Они одновременно и образуют неразрывное целое с репрессивной системой государства, и демонстриру-

ют свою с ней несовместимость на протяжении всего существования диктатуры. Выставочные события также необходимо рассматривать в их связи с пропагандистской машиной режима Салазара, во главе которой стоял Антониу Ферру, «искавший вдохновения у итальянского фашизма и Муссолини» (Sarega 2008: 12). Уже в 1932 году Ферру приобрел дурную славу статьей, в которой доказывал, что Португалия проводит культурную политику, призванную поднять дух народа, чтобы он выполнял свой гражданский долг. Ферру называл ее «политикой духа» («*a política do espírito*»), очевидно, отсылая к «*politique de l'esprit*» Поля Валери, которая призвана побуждать «общество к работе, в которой оно сознает самое себя» (цит. по: Sarega 2008: 15). Используя возможности, предоставляемые ему должностью директора Комитета национальной пропаганды (*Comiteto Nacional de Propaganda*), Ферру неистово продвигал эту точку зрения. Его собственные интересы лежали скорее в области литературы и искусства, нежели в сфере государственных событий масштаба «больших выставок». Тем не менее он высоко оценил выставку 1940 года, внесшую существенный вклад в архитектуру и отдавшую дань модернистской эстетике, которую Ферру так высоко ценил. Он увидел в обеих выставках уникальную возможность наставлять и вдохновлять подданных. Так Комитет национальной пропаганды смог внести свой вклад в борьбу с «ошибками, клеветническими измышлениями и попросту невежеством» (Salazar, цит. по: Sarega 2008: 9). Позднее Ферру оценивал 1940 год как «год небывалого возрождения, от которого следовало вести отсчет новой эры» (Corkill, Almeida 2009: 381).

Отдав дань идеологической работе режима Салазара при организации двух выставок, далее я сосредоточусь на том, чтобы с опорой на фуколдрианское понятие *гетеротопии* ухватить специфику дискурсивных формаций, вызванных к жизни этими событиями и полностью ими созданных. Выше я уже говорила о том, что «выставочный комплекс» может быть назван одним из оснований салазаровского авторитарного режима. Как уже неоднократно отмечали историки, у Салазара вызывали подозрение «хореография и коллективный пыл, связанные с массовыми театрализованными действиями в фашистской Италии и нацистской Германии». Вместо этого он предпочитал канализировать пропаганду в торжественных церемониях, выставках и повсеместных демонстрациях символов, вроде распятия, карты, наглядного изображения национальных богатств и тому подобного (Corkill, Almeida 2009: 391). Эти выразительные средства больше соответствовали нации бедных, необразованных, честных тружеников. И все же, несмотря на видимую основательность точки зрения, которая характеризует салазаровскую пропаганду таким образом, что-то здесь было нехвата, не к месту, как если бы режим просто «зависал» на наименее экспрессивных событиях, которым осторожный диктатор отдавал предпочтение, — просто так, без серьезных намерений. Чем более тщательно я изучаю эти выставки, тем отчетливее понимаю, что в них вовсе не обязательно видеть сцену для харизматического представления единства нации, скорее их имеет смысл рассматривать сквозь призму интенсивных, более или менее эфемерных трансформаций пространства, которые они осуществляют. Отсюда вопрос: а не были ли выставки 1934 и 1940 годов по-настоящему эффективным стратегическим ресурсом, который режим приспособил в равной степени для нужд производства истины (о себе) и изготовления послушных тел?

В небольшой статье 1967 года, посвященной пространству и первоначально представленной в виде лекции для архитекторов, Фуко доказывает, что современность порождает места особого рода, действующие наподобие «сетей, которые соединяют между собой отдельные точки и создают сложные переплетения» (Foucault 1997: 175). Он называет эти места гетеротопиями, утверждая, что в отличие от утопий «они абсолютно иные, нежели все места, которые они отражают и о которых говорят». Эти места позволяют одновременно представлять, оспаривать и переворачивать все остальные реальные пространственные местоположения, какие можно найти в рамках культуры (Фуко 2006: 196). Три характеристики гетеротопии особенно созвучны моим рассуждениям. Во-первых, гетеротопия имеет свойство сорасполагать «в одном-единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы» (Фуко 2006: 200). Во-вторых, эти места всегда включены в некую «систему открытости и замкнутости, которая одновременно и изолирует их, и делает их проницаемыми» (Там же). И наконец, «гетеротопии выполняют некую функцию по отношению к остальному пространству» (Фуко 2006: 203). Относительно этой последней характеристики Фуко вводит замысловатое разделение между иллюзионной гетеротопией, которая «изобличает, как еще более иллюзорное, все реальное пространство», и компенсаторной гетеротопией, которая «создает другое реальное пространство, настолько совершенное, настолько тщательно и хорошо устроенное, насколько наше беспорядочно, плохо устроено и запутанно» (Фуко 2006: 203). Фуко приводит предельные примеры для гетеротопии каждого типа: бордель — для иллюзионной, «некоторые колонии» — для компенсаторной.

Доводы, приведенные Фуко относительно гетеротопии, идеально подходят для изучения ранних усилий салазаровской диктатуры, направленных на создание и репрезентацию заселенных «инструктивных пространств» — живого доказательства существования реализованных на практике требований режима. В этих пространствах «португальский мир» был не просто картой (хотя карта сама по себе могла быть рассмотрена как гетеротопия особого рода), он становился коллажем, образованием, отличным от всех прочих, и даже единственным в своем роде, мультирасовой, на вид нереальной, едва ли не утопичной конструкцией. Посетив Колониальную выставку 1934 года, публика могла видеть, слышать, вдыхать, осязать, пробовать на вкус колониальный мир в его упорядоченном, «дисциплинированном» виде. Здесь соотносились разные порядки пространства, времени и репрезентации: европейский дворец — и окружающие его сады, город, основанный за столетия до начала морской экспансии, превратившей крошечный район Европы в обширную империю, — и этнографические артефакты, деревушки, мимикрирующие под свои двойники в отдаленных уголках империи вроде Мозамбика или же Сан-Томе и Принсипи, и, конечно же, изюминка выставки — экзотичные обитатели заморских территорий, обязанные действовать так, словно их жизнь протекает внутри этого странного мира. А ведь проект 1940 года был еще куда более грандиозным, поддерживавшим во всех смыслах чистоту гетеротопии, обогащавшим дискуссию о режиме и позволявшим выявить его скрытые смыслы. Выбор в качестве места действия выставки береговой линии, и в частности Белена, где уже разместились одни из самых прекрасных архитектурных творений XVI века, вдохновленных морской экспансией⁸, сам по себе характеризует намерения режима. Контраст между пышной сти-

листикой модерна, в которой выдержаны репрезентирующие Португалию сооружения, причудливой в своей старомодности стилистикой португальских деревушек с их местными жителями, вовлеченными в рутину повседневной жизни, а также селениями, перенесенными из Гвинеи-Бисау и воспроизведенными «в натуре», создавал исключительно гетерогенную картину «португальского мира», который и должна была воплощать выставка. На деле гетерогенным было не только пространство, но и время. В выставочных пространствах существовало время государства — линейное и актуализированное, жесткое и универсальное, воздусущее и неусыпно бдительное; циклическое время крестьянина, отмеченное предсказуемой цепочкой каждодневных частных и сезонных событий, управляющих жизнью труженика; архаическое время жителей африканских деревушек — далекое, замороженное, непостижимое, возвращающее социальное к неразрывной темпоральной связи с государством. Здесь же было время великой исторической доблести и время монастырей⁹, время, что было однажды утрачено и теперь вновь обретено благодаря мессианским проектам главы государства, спасшего нацию в ее самый трудный час. Наконец, существовали время зрителя и время обучения, когда, выражаясь словами главного распорядителя этого действия, Антониу де Кастру, публика приходила, дабы «узнать, как быть португальцами» («*saber ser português*»).

Выставка 1940 года действительно напоминала коллаж, составленный из разных элементов. К ней без труда можно было бы применить фуколдиданское определение гетеротопии, включив в этот контекст и позднейшее обсуждение отношений между гетеротопиями и языком. Это обсуждение происходило в связи с известным борхесовским фрагментом о китайской энциклопедии, содержащей необычную таксономию животных, которая, собственно, и позволила Фуко размышлять о распаде значений, о которых сообщает история. Здесь «гетеротопии... действуют разрушающе, возможно, еще и потому, что они тайно расшатывают язык, разрушают или приводят в беспорядок имена нарицательные, потому что они делают невозможным поименование того или этого» (Foucault 1970: xvii). Гетеротопии, продолжает он, «иссушают речь, останавливают бег слов, оспаривают саму возможность грамматики у ее истоков» (Foucault 1970: xviii). С одной стороны, я полагаю, что неровные отношения между гетеротопией и речью имеют определяющее значение для понимания эффекта выставки, описанного в категориях производства знания. Коль скоро гетеротопия «иссушает речь, останавливает бег слов», она может быть оптимальной формой молчания, по крайней мере, потенциально может быть для этих целей пригодной. Я думаю, что способность гетеротопии «тайно расшатывать речь», согласующаяся с имеющимся у режима представлением о выставке как об «инструктивном пространстве», помогает нам уяснить какие-то конкретные детали того, что там преподавали и изучали. Режим Салазара, бесспорно, был репрессивным режимом. Его политическая полиция внушала страх. Управляемая им сеть шпионов и агентов объединяла, если верить зафиксированному на киноплёнку словам ее последнего шефа, куда больше осведомителей из числа гражданского населения, чем можно было себе представить (из телеинтервью: Simões 1975). Их задачей было информировать и доносить¹⁰. Нет никаких сомнений в том, что действия репрессивного аппарата были «заглушающими» — и буквально, и символически. Но если даже принять во внимание мнение Фуко о разрушительном, иссушающем воздействии гетеротопии на язык, то предпочтение, которое дик-

татура отдавала выставкам перед такими формами массовой мобилизации, как марши и фестивали, все же имело иной привкус. Можно сказать, «инструктивные пространства» диктатуры, которые я связываю с разворачиванием «выставочного комплекса», наставляли граждан в искусстве совместного молчания.

Прежде чем вернуться к идее, высказанной в начале этой статьи, замечу, что описанная мной гетеротопия может также быть охарактеризована и как своего рода утопия. Фуко, обсуждая отношения между гетеротопией и утопией, подчеркивает, что, по всей вероятности, «в промежулке между утопиями и этими абсолютно иными местоположениями располагается своего рода смешанный, срединный опыт, коим является зеркало» (Фуко 2006: 196). Зеркало, в котором я себя вижу там, где меня нет, порождает утопию — место без места. Но оно же может конституировать и гетеротопию в той мере, в которой зеркало существует в физической реальности, «где оно производит своего рода обратное воздействие на занимаемое мною место; именно исходя из данных зеркала, я обнаруживаю, что отсутствую на месте, где нахожусь, потому что вижу себя в зеркале» (там же). Диктатура задумывала выставку 1940 года и как «инструктивное пространство», и как зеркало, в котором взгляд публики может опознать сам себя, — или же, как выразился мой собеседник, — «где ты можешь изучить сам себя». И хотя Фуко говорит нам, что утопии — это места, которые в действительности не существуют, я хотела бы с этим поспорить, отгалкиваясь от тезиса Ссорина-Чайкова о том, что утопии могут существовать в реальности, если только мы рассматриваем их как «практики воображения, конституирующие сами себя» (Ssorin-Chaikov 2006: 367). В этом смысле карта «Португалия — не маленькая страна» могла бы мыслиться как способ конституирования утопии, но и как гетеротопический объект — тоже. В то время как выставки имели существенные временные ограничения, карты повсеместно присутствовали — благодаря школе и школьным учебникам — вплоть до момента свержения диктатуры армией, важнейшей задачей которой был отказ от развязывания войны против движений за независимость, возникавших как раз на тех территориях, что были нанесены на карты империи¹¹. Ну а теперь я вернусь назад, в музей, чтобы описать озадачившие меня комментарии через отношения, которые были порождены практиками воображения, в свою очередь, вызванными к жизни гетеротопиями салазаровского режима.

БЕСПОКОЙНЫЕ ПРИЗРАКИ

Когда 25 апреля 1974 года режим, установленный Салазаром, был свергнут, его дискурсивные и символические основания рассыпались в прах. Карты в классах больше не развешивали. Забитый и безропотный, нищий «новый салазаровский человек», казалось, был обречен стать достоянием прошлого. Колониям была дарована независимость. Учебные программы, на которых выросло два исключительных по уровню самодовольства поколения (*orgulhosamente sos*), воспринимались теперь без иллюзий — как плод большого воображения заурядной диктатуры. Печально известная политическая полиция с ее цензурой, шпионами и палачами исчезла навсегда. Теперь Португалия могла гордиться своим народом, наконец-то восставшим против угнетателей. Грядущим поколениям была обеспечена возможность оглядываться назад и восхвалять армию, имевшую мужест-

во сместить печально известного преемника Салазара, Марселу Каэтану, человека, которого порицали более всего за то, что он так и не начал изменений, спровоцировав тем самым революцию¹². Революция в самом деле положила конец колониальному господству, репрессивному полицейскому аппарату, ознаменовала закат цензуры и начало трансформаций, которые привели к созданию исправно функционирующего демократического государства. Этот переход не был гладким, зато он был успешным. Когда в 1980—1990-х годах мы изучали диктатуру в школе, у меня было такое чувство, будто все, чего от нас тогда хотели, заключалось в умении представить Португалию столь далекой, чтобы она начала походить на чужую страну. В каком-то смысле она и была далекой страной. Однако существовали «отметины», которые я называю следами режима, следствиями его инструктивных технологий и практик производства знания. Существовало нечто, что позволяет мне вернуться к началу статьи.

Одна из причин, заставивших меня задуматься над тем, как Л., друг нашего семейства, говорила о музейных экспонатах, заключалась в том, как она повернула разговор к вопросу о «нашей истории». Частично я была озадачена этим, поскольку она связала экспонаты с нехваткой знаний о Португалии за пределами Португалии, что мне казалось несовместимым с желанием оставить эти объекты в стране. А частично — поскольку многие из экспонатов могли бы в равной степени рассматриваться и как собственность территорий, некогда колонизированных Португалией. В конце концов, железная фигурка португальского солдата, сделанная в районе реки Конго, была равным счетом тем, что написано на табличке, — экспонатом из Конго. Несколько дней спустя я снова подступила к Л. с расспросами о ее комментариях к увиденному на выставке. Нужно отметить, что Л. относит себя к левым и вообще-то терпеть не может разговоры, которые, как ей кажется, релятивизируют страшную историю диктатуры. Тем более удивительно было слышать, как она объясняет собственные высказывания, исходя из «неоспоримых фактов истории»:

Правильно — ошибочно ли, но мы совершили их — эти Открытия (*Descobertas*)! То, что мы натворили позднее — я имею в виду колониальные войны, — было ошибкой. Но я не уверена, что это — достаточная причина для того, чтобы не считать совершенное ранее настоящим подвигом.

Реагируя на мои осторожные расспросы, Л. фактически озвучила расхожее мнение о том, сколь впечатляющими были морские достижения Португалии. Эта позиция, и без того широко распространенная, стала одним из краеугольных камней последней крупной выставки XX века, проводившейся в Лиссабоне. Экспо-98, как называли это мероприятие, было посвящено океанам. Оно, без сомнения, отличалось от выставок эпохи салазаризма хотя бы тем, что это было космополитическое предприятие с высокой долей международного участия¹³. И потом, «океаны» — это все же не Открытия, хотя португальцы все равно попытались в своих павильонах максимально акцентировать тему морской экспансии. Те же интенции различимы и в современных школьных программах, где самым тщательным образом рассматриваются технологии, необходимые для строительства каравелл, и их следствие — впечатляющие успехи в области картографии, а также вклад морской экспансии в производство нового для Европы XVI—XVII веков корпуса знаний. Колониализму, напротив, не было предоставлено того места, которое он занимал в школьных программах эпохи Сала-

зара (Dores da Cruz 2007). Мысль о том, что Открытиями требуется гордиться, отчасти объясняется устойчивостью риторических фигур национальной идентификации — центрального элемента того, что может быть названо национальным самосознанием (Anderson 1991). Тем не менее непрерывная (дискурсивная) мобилизация морской экспансии вкупе с молчанием, окружающим поздний колониализм, позволяет робко поинтересоваться: нельзя ли помыслить эту блестящую риторическую конструкцию в терминах гетеротопии салазаровского режима? Для дискурсов экспансии содятся и старые риторические фигуры национальной идентификации, но их повсеместное распространение имеет собственную историю, которая проистекает из экспансии школьного образования, происходившей в XX веке. А этот век в Португалии был по большей части эпохой правления Салазара.

Критикуя фуколдианские гетеротопии и кантовский космополитизм, Харви (2000) выдвигает тезис, особенно уместный при работе с устойчивостью некоторых образов салазаровского правления в обстоятельствах, казалось бы, невообразимо далеких от самого режима. «Если гетеротопии подрывают и разрушают исходные формы восприятия и значения... тогда географическая и пространственная способность суждения подрывает и разрушает прочие формы рациональной способности суждения», — пишет он (Harvey 2000: 539). Разумеется, Л. сказала бы, что являет собой полную противоположность субъекту салазаризма, в то время как я полагаю, что она не опознает себя в моих заявлениях об аффективном воздействии гетеротопии салазаровского режима на способы восприятия мира, с которыми она столкнулась в музее. Она хотела бы сказать: *правильно или ошибочно* — пользуясь ее собственными словами, — но империя состоялась. Впрочем, это явно не то, что Л. хотела бы говорить все время. Похоже, само присутствие экспонатов, утрату которых она оплакивала, вынуждало ее к не вполне контролируемым размышлениям о *нашей истории*. Эти предметы ее беспокоили, вселяли в нее нерешительность и провоцировали ее на реакцию, противоречившую тому, как она обычно себя вела.

Мне думается, что следы салазарианских гетеротопий, которые мы встречаем по всему городу и представляем себе заключенными в музейных шкафах, — хотя рассматриваемые нами объекты, строго говоря, не являются салазарианскими *объектами* — способны вызывать отклик, который можно было бы назвать *аффективным*. Термин «аффективный» я использую здесь с некоторой долей осторожности. Опираясь на Наваро-Яшина, я хочу отделить аффект от исходной психоаналитической перспективы, исходя из которой он обретает форму во внутреннем мире субъекта. Это отделение мне необходимо, чтобы вывести аффект за пределы «субъекта», «субъективности», «души» (Navaro-Yashin 2009: 12). Наваро-Яшин (2009) использует делёзовскую интерпретацию, согласно которой «аффекты есть проявления, в своем становлении выходящие за пределы тех, кто живет ими (они становятся Другим)» (цит. по: Navaro-Yashin, 2009: 12). В рамках такого прочтения аффект более не размещается в субъекте — он множится, движется сквозь тела, предметы и ландшафты без обязательной привязки к субъекту и без необходимости быть осознанным. Такое понимание аффекта учитывает момент открытости в его пространственной ориентировке — по аналогии с идеями Делёза и Гваттари (2004) о пространственной организации ризомы — и предполагает такую пространственность, которую нелегко приспособить к вертикальному, иерар-

хическому порядку размещения. Эта открытость важна и для понимания интересующего меня аффекта, ибо я бы одновременно и хотела, и не хотела проследивать связь между дискурсивными и идеологическими машинами салазаровского режима и нынешней устойчивостью эмоционально окрашенных образов, отсылающих к Португальской империи в разговоре о том, что отличает Португалию — в том числе и от самой себя. В свете современного производства знаний о Португалии, включая школьные программы, нитью, связующей разные эпохи, становится непрерывность распространения «исторической правды» о путях мореходов — о *достижениях и ошибках* морской экспансии. И все же рассматриваемые здесь практики производства знания ни в коем случае не равнозначны «исторической правде» диктатуры. Им не хватает внятного ощущения исключительности и закрытости. В современной же ситуации «исторические истины» предлагаются всякому без разбора, а молчание порождает множество разнородных вопросов. Разумеется, больше не существует единой линии — отныне их много. И все же чувствуется некоторое напряжение между тем, что артикулируется — знанием об империи, порождаемым в условиях гетеротопии, страхом превращения территории всего лишь в *маленькую страну* — и аффективной реакцией на предметы, которые, похоже, рассказывают истории, поддерживающие сползание назад, в прошлое.

Позволю себе завершить статью замечаниями об осмотрительности, с которой приходится использовать слово *аффект*. Мои трудности с ним, как и с понятием *ризомы* и — несколько в меньшей степени — с использованием понятия *гетеротопия*, неразрывно связаны с возможностью ошибочного понимания этих идей в одних лишь терминах множественного, освободительного, позитивного потенциала. В частности, Делёз и Гваттари утверждают, что ризома — «это карта, а не просто след... это антигенеалогия» (Deleuze, Guattari 2004: 12–13), что приводит последователей Делёза к утверждению о том, что картографическое воображение замещает вертикальную линейную организацию археологической мысли (Thrift 2007). Действительно, одним из основных действующих лиц в *истории*, которую я попыталась здесь изложить, была карта, которая провоцировала тревогу и нестабильность, уклоняясь от того, чтобы быть обнаруженной. То обстоятельство, что карта называлась «Португалия — не маленькая страна», показывает, со всей неимоверной силой убеждения, что карты не появляются по мановению волшебной палочки. Они требуют работы картографа, которая сама по себе дает простор для производства следов теми, кто вычерчивает контуры и оставляет знаки. Картография, которая была выдающейся имперской технологией, вступала в сложные отношения с властью, зачастую — с властью, предельно вертикально организованной. Сходное прочтение можно заметить в заключении короткой статьи Фуко о *гетеротопиях*. Фуко обращается к образу корабля как места гетеротопии *par excellence*, добавляя, весьма таинственно и необыкновенно простодушно, что «в цивилизациях без кораблей иссякают грезы, шпионаж занимает место приключения, а полиция — корсаров» (Фуко 2006: 204). В 2009 году Лиссабон все еще осенен присутствием монументальных объектов, сооруженных к выставке 1940 года. Самый яркий из них, пожалуй, — это Памятник Первооткрывателям (*Padrão dos Descobrimentos*), величественное сооружение в форме каравеллы, выполненное из камня, опоясанное гигантскими скульптурами мореплавателей, застывшее у самой кромки воды, словно приготовившееся отправиться в плавание. Это конструкция одновременно

впечатляющая и фантастическая. Ее корабельная форма производит впечатление не только обещанием приключений, как это отметил Фуко, но и способностью вызывать призраков из времен вынужденного молчания и закрытости всеподавляющей диктатуры. Мои трудности со словами *аффект*, *ризома*, *гетеротопия* — это всего лишь трудности, возникающие в ходе работы, побуждающей приписывать слишком много горизонтальной семантики идеям, которые рассматриваемые здесь слова предназначены передавать. В известном смысле эти идеи можно представить как концептуальную антитезу самому идеологическому основанию репрессивных иерархических режимов. Но думать об антитезах означает идти против тех исключительных теоретических возможностей, которые они предоставляют. Здесь снова не помешает осторожность, на этот раз, удерживающая нас от превращения критических текстов в свои собственные гетеротопии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Экспозиция впервые была представлена в Смитсоновском музее, в Вашингтоне, затем во Дворце искусств Брюсселя и, наконец, в Лондоне. В английском варианте она называлась «Охватывая земной шар: Португалия в XVI—XVII веках» («Encompassing the Globe: Portugal in the Sixteenth and Seventeenth Centuries»). Когда выставка приехала в Португалию, первую часть ее названия сохранили в английской версии, а вторую перевели — с характерной поправкой. В Лиссабоне выставка называлась не просто «Португалия», но «Португалия и мир» («*Portugal e o Mundo*»).
- 2 Явный пример такого сосуществования можно разглядеть в нереализованном проекте строительства на окраинах Рима «нового города» Муссолини, задуманного как пространственное выражение политических, культурных и экономических достижений фашистской Италии и проектировавшегося в расчете на организацию Всемирной выставки (Esposizione Universale di Roma), которая вновь связала бы Рим со Средиземноморьем и восстановила бы его в правах имперского города (см.: Notaro 2000).
- 3 Хотя этнографическая литература ограничена и в сферах описания, и в темах, очевидно, что интерес современных антропологов к диктатуре возрос (см.: Ribeiro Sanches 2006; Roque 2006; Martins 2006; West 2004).
- 4 Первое было создано генералом во время Первой мировой, второе — молодым харизматичным политиком Сидониу Паишем (1872—1918), чье краткое правление, окончившееся его убийством, вызывает сегодня живой интерес историков (см.: Ramalho 1998; Ribeiro de Meneses 1998; Valente 2009).
- 5 См.: Pinto 1995.
- 6 Среди ученых существует фундаментальное разногласие по поводу того, в какой степени определение «фашистский» применимо к режиму Салазара. По одну сторону находятся те, кто утверждает, что «Новое Государство» было авторитарным, консервативным режимом, близким к настоящим фашистским государствам Европы, но все же отличавшимся от них. По другую — те, кто объявляет португальский случай классическим фашистским режимом, со всеми характерными для фашизма чертами, мастерски адаптированными к национальным реалиям. Так, Люцена называет его «фашизм без фашистского движения» (Lucena 1976: 27; см. также: Lucena 1984).
- 7 11 января 1890 года Португалии был объявлен британский ультиматум — требование отвести вооруженные силы с территории, лежащей между португальскими колониями Мозамбиком и Анголой, которая была необходима Британии для строительства железнодорожной магистрали, связывающей ее колонии в Северной Африке с самым югом континента (см.: Teixeira 1990).

- 8 В частности, здесь находится монастырь Жеронимуш (иеронимитов), внесенный в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО как вершина стиля мануэлино, характеризующая португальский ренессанс.
- 9 Монастырь Жеронимуш был основан в 1501 году. По преданию, в нем похоронены Васко да Гама и Луис да Камоэнс. Васко да Гама стал одним из наиболее почитаемых португальских мореплавателей в известной степени благодаря Камоэнсу, который воспел его подвиги — путешествие к берегам Индии — в великой эпической поэме XVI века «Лузиады».
- 10 Политическая полиция стала более широко известна как PIDE (ПИДЕ, Полиция по международным делам и защите государства), а ее агенты — как pides. Это название сохранилось в широком обиходе, несмотря на более поздние усилия режима по поиску более благовидного названия DGS (Генеральное управление безопасности). Рассказывая о PIDE в 1952 году для «Harpers Magazine», Стевенс утверждал, что у нее были «агенты и шпионы повсюду, услужливые уши — на каждый шепот недовольства» (см.: Stevens 1952: 62).
- 11 Колониальная война, продолжавшаяся с 1961 по 1974 год, была одним из решающих факторов, ускоривших крах режима (см.: Maxwell; Rosas, Brito 1996).
- 12 Марселу Каэтану действовал в качестве премьер-министра с 1968 года, когда Салазар перенес сердечный приступ, и до 1974 года. Поначалу на Каэтану, проявлявшего некоторую тягу к переменам в политическом курсе страны, возлагали большие надежды. Это время известно как «Primavera Marcelista» («Весна Марселу»). Впрочем, надеждам не было суждено осуществиться, что и привело к военному перевороту, отстранившему премьера от власти.
- 13 Экспо-98 — международная выставка, организованная Португалией, которую с момента открытия в мае и до церемонии закрытия в сентябре 1998 года посетило порядка одиннадцати миллионов человек.

ЛИТЕРАТУРА

- Almeida 2004 — Almeida J.C. *Memória e Identidade Nacional: As Comemorações Públicas, as Grandes Exposições e o Processo de (re)Construção da Nação*, presented to the VII Luso-Afro-Brazilian Congress of the Social Sciences. Coimbra (<http://www.ces.uk.pt/LAB2004>).
- Anderson 1991 — Anderson B. [1983] *Imagined Communities*. London: Verso, 1991.
- Baiôa et al. 2003 — Baiôa M., Fernandes P.J., Ribeiro de Meneses F. *The Political History of Twentieth Century Portugal* // *E-Journal of Portuguese History*. 2003. Vol. 1 (2). P. 1–18.
- Bennett 1988 — Bennett T. *The Exhibitionary Complex* // *New Formations*. 1988. Vol. 4 (1). P. 73–102.
- Boletim Geral las Colonias — Boletim Geral las Colonias. Ano X. Lisboa, 1934.
- Corkill, Almeida 2009 — Corkill D., Almeida J.C. *Commemoration and Propaganda in Salazar's Portugal: the Mundo Português Exposition of 1940* // *Journal of Contemporary History*. 2009. Vol. 44 (3). P. 381–399.
- Deleuze, Guattari 2004 — Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. London: Continuum, 2004.
- Dores da Cruz 2007 — Dores da Cruz M. «Portugal Gigante»: Nationalism, Motherland and Colonial Encounters in Portuguese School Textbooks' // *Habitus*. 2007. Vol. 5 (2). P. 395–422.
- Foucault 1970 — Foucault M. *The Order of Things*. New York: Vintage, 1970.
- Foucault 1997 — Foucault M. *Different Spaces (1967)* // *Aesthetics, Method, and Epistemology* / Ed. J.D. Faubion. New York: New Press, 1997. В статье цит. по: Фуко 2006.

- Harvey 2000 — *Harvey D.* Cosmopolitanism and the Banality of Geographical Evils // Public Culture. 2000. Vol. 12 (2). P. 529–564.
- Lucena 1976 — *Lucena M.* A Evolução do Sistema Corporativo Português. Vol. I: O Salazarismo. Lisboa: Perspectivas e Realidades, 1976.
- Lucena 1984 — *Lucena M.* Interpretações do Salazarismo: Notas de Leitura Crítica // Análise Social. 1984. XX (83). P. 423–451.
- Martins 2006 — *Martins L P.* Ossos do Ofício: Antropometria e Etnografia no Norte de Moçambique // Portugal Não é um País Pequeno: Contar o Império na Pós-Colonialidade / Ed. M. Ribeiro Sanches. Lisboa: Livros Cotovia, 2006.
- Maxwell 1997 — *Maxwell K.* The Making of Portuguese Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Navaro-Yashin 2009 — *Navaro-Yashin Y.* Affective Spaces, Melancholic Objects: Ruination and the Production of Anthropological Knowledge // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2009. Vol. 15. P. 1–18.
- Notaro 2000 — *Notaro A.* Exhibiting the new Mussolinian City: Memories of Empire in the World Exhibition of Rome (EUR) // GeoJournal. 2000. Vol. 51 (1/2). P. 15–22.
- Pinto 1995 — *Pinto A.C.* Salazar's Dictatorship and European Fascism. Boulder; N.Y.: Social Sciences Monographs, 1995.
- Pinto 1999 — *Pinto A.C.* The Blue Shirts: Portuguese Fascists and the New State. Boulder; N.Y.: Social Sciences Monographs, 1999.
- Ramalho 1998 — *Ramalho M.N.* Sidónio Pais; Diplomata e Conspirador (1912–1927). Lisboa: Ed. Cosmos, 1998.
- Ribeiro de Meneses 1998 — *Ribeiro de Meneses F.* Sidónio Pais, the Portuguese «New Republic» and the Challenge to Liberalism in Southern Europe // European History Quarterly. 1998. Vol. 28 (1). P. 109–130.
- Ribeiro Sanches 2006 — Portugal Não é um País Pequeno: Contar o Império na Pós-Colonialidade / Ed. M. Ribeiro Sanches. Lisboa: Livros Cotovia, 2006.
- Roque 2006 — *Roque R.* Colonialidade Equívoca: Fonseca Cardoso e as Origens da Antropologia Colonial Portuguesa // Portugal Não é um País Pequeno: Contar o Império na Pós-Colonialidade / Ed. M. Ribeiro Sanches. Lisboa: Livros Cotovia, 2006.
- Rosas 1992 — Portugal e o Estado Novo / Ed. F. Rosas. Vol. XII / Eds. Joel Serrão, A.H. Marques // Nova História de Portugal. Lisbon: Editorial Presença, 1992.
- Rosas 2001 — *Rosas F.* O Salazarismo e o Homem Novo: Ensaio sobre o Estado Novo e a Questão do Totalitarismo // Análise Social. 2001. Vol. XXXV (153). P. 1031–1054.
- Rosas, Brito 1996 — *Rosas F., Brito J.M.B.* Dicionário de História do Estado Novo. Venda Nova: Editora Bertrand, 1996.
- Sapega 2008 — *Sapega E.W.* Consensus and Debate in Salazar's Portugal: Visual and Literary Negotiations of the National Text, 1933–1948. Philadelphia: Pennsylvania State University Press, 2008.
- Simões 1975 — *Simões Rui.* Deus, Pátria, Autoridade: Cenas da Vida Portuguesa 1910–1974. Documentary Film, Instituto Português do Cinema, 1975.
- Ssorin-Chaikov 2006 — *Ssorin-Chaikov N.* On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949 // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2006. Vol. 12. P. 355–375.
- Stevens 1952 — *Stevens E.* Portugal Under Dr. Salazar // Harpers Magazine. 1952. August Issue.
- Teixeira 1990 — *Teixeira N.S.* O Ultimatum Inglês: Política Externa e Política Interna. Lisboa: Edições Alfa, 1990.

«Не маленькая страна»...

- Thrift 2007 — *Thrift N.* Non-Representational Theory: Space/Politics/Affect. London: Routledge, 2007.
- Valente 2009 — *Valente V.P.* Portugal: Ensaios de História e de Política. Lisboa: Aletheia Editores, 2009.
- West 2004 — *West H.* Inverting the Camel's Hump: Jorge Dias, his Wife, their Interpreter and I // Significant Others: Interpersonal and Professional Commitments in Anthropology / Ed. R. Handler. Minnesota: The University of Wisconsin Press, 2004. P. 51–90.
- Фуко 2006 — *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: В 3 ч. Ч. 3 / Пер. с фр. Б.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006.

Пер. с англ. Г. Орловой